

№448 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Пусть Благодать,
посылаемая нам,
не будет тщетна!

Кирилл Гундяев

В истории христианства нередко очень остро ставился вопрос о том, что спасает человека от собственной порочности, а, следовательно, и от духовной гибели для вечности? На личном опыте своей жизни каждый человек понимает, что **своими** силами спастись не может. Сие возможно лишь **Христом** спасает нас, соединяя землю с Небесами, а человеческую природу - с естеством Божественным. И эта связь продолжается в людях не по их заслугам, не их силою, а Божией благодатью.

И вот вопрос взаимоотношения между силой Божией и личными усилиями человека, между Промыслом Божиим и свободной волей человека до сих пор является трудноразрешимым вопросом их христианского мировоззрения.

В чём сложность этого вопроса? Если **Господь** спасает Своей Благодатью, а человек своими силами не способен обрести спасение, тогда возникает иной вопрос: а что же обозначает личная жизнь человека, его злая или добрая воля, его злые или добрые поступки? В истории христианской мысли были разные заблуждения на этот счет. Одни считали, что человек спасается исключительно силой Божией или **уже** спасен, в силу искупительных заслуг Христа, и доходили в своих учениях даже до крайности – отрицая какое-либо значение личной жизни, личных устремлений, личного направления воли человека. Но были и другие заблуждения, тоже крайние, которые как бы игнорировали силу Божией благодати, полагая, что человек **сам**, будучи разумным и свободным, способен спастись. И до сих пор среди христиан нет единомыслия в отношении этого.

И вот сегодня апостольское чтение даёт нам удивительное свидетельство того, как Благодать Божия взаимодействует с природой и силой человека. В 1-м Послании к Коринфянам, в 15-й главе, 10-м стихе апостол Павел пишет следующее: **«Благодатью Божиею я есть тем, кем я есть, но Благодать Его не была тщетна на мне; я более всех их (остальных апостолов) трудился, впрочем же, не я, но Благодать Божия, которая была со мною»**. Вот удивительно прямой ответ Павла, который ясно свидетельствует, что нет иной силы в мире, способной спасти человека, кроме благодати Божией. «Благодатью Божией я есть то, что есть». А он был просветителем мира, великим апостолом и подвижником, и понимая, что не своими способностями, не своим образованием, и даже не своей ревностью, не своим умом, волею и чувствами, а Благодатью Божиею, силой Божиею он стал тем, кем он был.

Но дальше идёт важная для всех нас фраза: «Но Благодать Его не была тщетна на мне». Здесь вносится какой-то очень существенный элемент, ограничивающий всемогущество Божией благодати. Если Благодать может быть тщетной, т.е. пустой, бездейственной, значит, она не всемогуща? Что-то есть такое в мире, что может ограничить действие Божией благодати?

И в следующей фразе апостол делает ещё более понятным то, что он имел в виду: **«Благодать Его не была тщетна на мне... - почему? - ... ибо я потрудился более других»**. Таким образом, апостол Павел в тесную связь поставляет силу благодати Божией и труд человека, его усилия, его борьбу, его устремления. Благодать Божия не всемогуща, хотя и Божественна. Она не способна без содействия со стороны человека изменять его жизнь, тем более не способна она без содействия человека возносить его от земли к Небу.

Но для того, чтобы не было никаких сомнений у христиан, что не они себя спасают, что не добрые дела возвышают их от земли к небу, но Благодать Божия, он завершает этот огромный важности стих в своём Послании великим свидетельством: **«Впрочем же, не я, но Благодать Божия, которая со мною»**.

Эти слова апостола способны решить давний болезненный спор о том, какова взаимосвязь Божией благодати и человеческих усилий, и каково участие Промысла Божьего в свободной воле человека. Здесь приоткрывается нам тайна соотношения Божественного и человеческого. Божья Благодать подаётся всем тем, кто принадлежит Церкви Христовой, как солнечные лучи касаются тех, кто желает обратиться к солнцу своё лицо. Но ведь можно и оградить себя от света - войти в глубокую тень, упрятаться в здание, и солнечные лучи не будут падать на нашу кожу.

Благодать Божия подаётся всем, и она делает великое дело спасения в нашей жизни и в жизни Церкви. Но каждый из нас имеет свободную волю принять эту Благодать или её отвергнуть.

Обеспечить начальное формирование личности ребёнка

Воспитание детей – тема, которой мы посвятили уже несколько наших бесед. И остановились в прошлый раз мы на том, что появляющийся на свет ребёнок, по большому счёту, должен вызывать у нас трепет – тем, что он ещё такой маленький, а жизнь, которая в нём гнездится, уже потенциально вечная и потенциально личная. То есть вот это – то, чему замены быть не может, это то, что, если не состоится, спровоцирует зияние в теле человечества. Ребёнок должен вызывать трепет потому, что он растёт на глазах совершенно невидимым образом, и в нём эта тайна жизни совершается, а мы должны содействовать тому, чтобы эта совершающаяся тайна нашла конкретное воплощение, свою индивидуальную реализацию. Мы должны научить его жить ради святости тайны жизни, мы должны научить его вещам, которые сами-то понимаем с трудом: свободе от обстоятельств, и в конечном итоге, от греха как такового; творчеству - как бескорыстному восхищению тем, что всё возможно, и всё исполнимо; любви, наконец, которая нам говорит, что нет преград между людьми, и всё настоящее действительно выполнимо. Мы должны создавать этому чаду мир, в котором изначально так светло и красиво, что он, ещё будучи младенцем, каким-то мистическим образом внутри себя бессознательно сможет различать настоящее от нежелательного, и внутри себя отталкиваться от какой-то темноты, которой он действительно инстинктивно сторонится. Это колоссально трудно, с одной стороны. Но именно это и захватывает, по идее, человека целиком, это не может на-

доесть, это не может быть скучным. Да, это трудно, но это ведь очень благодатно – жить в ореоле такой всепроницающей тайны, которая, тем не менее, осязаема и на глазах у тебя совершается. Более того, когда это у тебя на глазах, ты учишься любить по-настоящему, отсвечивать от себя, хотя бы, как бледная тень Господа Бога, ради вот этой священной тайны в таком маленьком существе. И не просто из инстинкта, что это плоть от плоти моей. Ведь из инстинкта всякий нормальный родитель готов ради своего чада на всё. По крайней мере, так кажется, если представить критическую ситуацию, когда речь идёт о тяжёлом выборе, например, **свою** жизнь отдать или им пожертвовать. А здесь очень часто приходится жертвовать не жизнью или куском хлеба, а чем-то невидимым. Кусок хлеба от себя оторвать легче. Это в ситуации, когда есть выбор: ребёнок останется голодным или ты. Трудно, но существенно легче. А отрывать от себя свою инерцию одиночного существования ради того, чтобы не с трёхлетним очаровательным пупсиком, а каким-нибудь 12 – 13-ти летним сорванцом проводить часы по видимости бесплодного общения – это жертва, которая выглядит бессмысленной, потому что кажется, что результатов никаких нет. Результаты, может быть, проявятся лет через десять. А может быть, и вовсе не проявятся у тебя на глазах. Может быть, они проявятся тогда, когда тебя не будет, но останутся воспоминания об этих часах, и когда не будет того, кто эти часы обеспечивал. На такое-то человек реально мало способен.

Заниматься ребёнком больше – сама по себе эта фраза очень стереотипна. Любой психолог или педагог вам скажет, что ребёнком надо заниматься, и как можно больше. Весь вопрос: когда вы больше будете проводить с ребёнком времени, то чем вы будете заниматься? Ясно, что в основном приходят в голову банальные какие-то вещи, например, что вот, ребёнок месяцами не бывает за городом, потому что родители никак не выкроют время, чтобы его туда свозить. Но это типичный случай, сплошь и рядом повторяющийся в семьях, где родители очень заняты – не об этом речь. А если ребёнку пока ничего не интересно? Что интересно ребёнку двух лет? С одной стороны, ему интересно всё. И его надо уже какими-то интересами подпитывать, чтобы эти интересы в нём набухали. Вот их ещё нет, они какие-то потом появятся, но каждый ребёнок – мало того, что тайна, он ещё и эмпирически ограниченное существо. Какие-то способности есть, каких-то нет, какие-то очень скрыты. Он к чему-то тянется инстинктивно, а к чему-то не тянется. Потому что вот он такой. В том числе и потому, как думают многие, что он родился под каким-то там знаком Рыб, которые в каком-то там десятом доме ночевали.

Кстати, если копаться вот в этом, то Вы точно проглядите своё чадо. В своё время мне пришлось ломать голову над тем, что астрология какой-то фрагмент реальности всё-таки описывает, так, может быть, она как-то полезна в педагогическом плане? И когда я обсуждал это с людьми, которые раньше практиковали астрологию, то мы пришли к выводу, что – нет, даже в этом смысле астрология ничем не поможет. Потому что пока ты будешь копаться во всех этих вычислениях, ты просто проглядишь эту **живую** «рыбу» со всеми этими причиндалами, домами, знаками и так далее. То есть никак это применить нельзя, вообще никак. Хотя самый факт, что ребёнок родился тогда-то – это его эмпирическая, собственно, плоть. Она – такая. У одних – такая, у других – другая, все дети разные. Наша же задача – раздвигать его эмпирический горизонт, чтобы он, будучи маленьким, когда он сам ещё ничего не в состоянии решить, не в состоянии выбрать и так далее, – наша задача состоит в том, чтобы так раздвинуть его горизонт, чтобы тот имел максимально широкий диапазон.

Ну и вопрос: как двухлетнему чаду диапазон расширить? Он-то и скажет два слова едва мо-

жет, и при этом постоянно даёт Вам понять, что чудесный папа или замечательная мама, которые носят с ним и ему с ними хорошо, – что они для него цари и боги. И казалось бы, что ещё надо?

А надо то, что ему сейчас два года, а через десять лет будет – двенадцать. И эти цари и боги в одночасье исчезнут, поневоле. Потому что у **двенадцатилетнего** ребенка уже другие кумиры. Если у него и будет какой-нибудь царёк или божок, то тот, кто находится где-то высоко, далеко, и одевается, и причёсывается совсем не так, как его родители. И вот тогда ему понадобится уже некий внутренний опыт, опыт отношения к той реальности, с которой он **пока** сталкивается, который будет залогом другого внутреннего опыта, более зрелого, который позволит ему эту реальность преобразовать в своей жизни. То есть, строить самого себя. А время роста ему отпущено совсем маленькое, короткое. Вот те из вас, которым уже не 20 и не 30 лет, – хорошо знают, с каким свистом пролетает во время, когда до тебя доходит, что это какая-то третья космическая скорость, и начинает хотеться начать жизнь сначала.

И родитель **должен** обеспечить ребёнку этот рост, возможность вот этот период своего становления, своего странствования пока ещё по жизни зависимым от тебя существом, обеспечить возможность формирования, чтобы его этот вот костяк, хребет позволял ему потом быть решительным, сильным и содержательным в своём выборе. А жизнь перед ним **поставит** выбор, когда он будет взрослым.

Тут ведь вот ещё какая есть вещь. В рамках Ветхого Завета можно было назначить день, свидетельствующий о том, что ты был ребёнок, а теперь ты – бар-мицва, «сын Заповеди». Это означало, что ты уже отвечаешь за свои поступки. Например, если ты, не дай Бог, убил кого-нибудь после того, как ты стал бар-мицва, то тебя забьют камнями. Это после 12 – 13-ти лет, до того за тебя отвечают родители. А для христианства нет никакого бар-мицва в строгом смысле слова, христианского эквивалента этому мы устроить не можем. Воспроизвести нечто подобное можем: сказать, что вот отныне ты, отрок, отвечаешь за себя, но вменить ему в обязанность быть учеником Христовым мы не можем. Это вообще – не та вещь, к которой можно принудить. Закон, как мы помним, всё-таки связан с базовыми ценностями вещами. Если человек покушается на какие-то основные принципы жизни, ему просто нет места в обществе. И поэтому, если ребёнок не исполняет закон в каких-то своих основах, это должно расцениваться как патология, и с ним надо срочно что-то делать, лечить каким-то образом, целенаправленным воздействием. А если с ним всё в порядке, в целом он нормальный, не ворует, кошке не душит и к оружию не тянется, то ему вменить нечего, но это не значит, что он христианин. И мы не в состоянии для подрастающего человека установить возраст, когда он станет христианином. Христианами должны быть **мы**. Причём христианами в собственном смысле этого слова: свидетелями Христа. Так, чтобы для ребёнка это свидетельство было убедительным. Но выбор он будет делать сам.

Таким образом, наша задача обеспечить ему этот выбор не то чтобы лёгким, но в полный рост, так сказать, чтобы не было иллюзий относительно того, что этот выбор можно обойти, чтобы ему, наконец, было всё более или менее понятно с его определением по жизни.

Ну вот, сочтём вышесказанное кратким вступлением в тему воспитания чада, обозначением, так сказать, концепции наших дальнейших рассуждений. Причём, в большей мере в живописных, но общих словах и фразах. Ну, а в предстоящих беседах нам придётся говорить уже о вещах конкретных.